

АНДРЕЙ ШУМИН
И ЕГО ГЕРОИ

СКАЗОЧКИ НА ЧЕРДАКЕ

МИКРОСКАЗКИ

3 ТОМ

Андрей Шумин
«Сказочки на чердаке»
микросказки 3 том

<https://litres.ru/74380934>

SelfPub; 2026

Аннотация

На старом чердаке часто собираются странные существа и начинают рассказывать сказки. Мне удалось подслушать их рассказы и записать. Но так как я часто не успевал за ними записывать, то сказочки получались маленькими. Может, это не плохо. Ведь всем всегда хочется быстрее узнать что случилось в конце!

Содержание

101. Веретено	4
102. Заслонка	6
103. Холодная плаха	7
104. Мерцание	8
105. Ключ	9
106. Прялка	10
107. Лопата	11
108. Обиженная скалка	12
109. Дубовая ступа	13
110. Грабли у амбара	14
111. Рубель	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

«Сказочки на чердаке»

микросказки 3 том

101. Веретено

В старой прялке лежало веретено, которое само не крутилось, но если его подержать в руках, начинало тянуть нить из воздуха - тонкую, серебристую, на вид холодную. Пряха Марфа взяла его и почувствовала, что нить тянется не из пальцев, а из её собственной головы, из мыслей, из памяти. «Что ты за веретено такое?» - спросила Марфа. И оно ответило: «Я пряду не пряжу, а то, что ты помнишь. Каждый виток это одно воспоминание. Хочешь, я скручу их все в один клубок, и ты сможешь перевязать его на новое утро».

Марфа согласилась, и веретено закрутилось. Оно вытягивало из неё воспоминания одно за другим: детство, свадьбу, первые шаги детей, уход мужа. Нить становилась толще, тяжелее, и вскоре Марфа не могла её удержать. Она упала на пол и стала разматываться обратно, но уже не в её память, а в воздух, где её подхватил ветер. Марфа попыталась остановить веретено, но оно сказало: «Теперь твои воспоминания свободны. Они улетят по деревне и войдут в других людей». С тех пор Марфа сидит у окна и видит, как соседи вдруг вспоминают её детство, её слёзы, её радость. Она не жалеет,

потому что знает: теперь её жизнь живёт в других, а она сама стала веретеном, которое ждёт, когда его возьмут в руки.

102. Заслонка

В печи была заслонка, которая всегда смеялась, когда её открывали. Не скрипела, не стонала, а смеялась тонким, как иней, голосом. Хозяйка привыкла, но однажды заслонка сказала: «Ты думаешь, я смеюсь от радости? Я смеюсь оттого, что помню, как смеялся тот, кто угорел в этой печи». Хозяйка перекрестилась, но заслонка продолжала смеяться, и каждый раз, когда она брала ухват, она слышала тот смех. Однажды она сказала в ответ: «Хватит!» Заслонка замолчала и ответила: «Я молчу, но смех не уходит. Он ушёл в тебя. Теперь ты будешь смеяться тем смехом, когда устанешь».

И правда: хозяйка иногда ловила себя на том, что смеётся не своим голосом, а чужим, и тогда она вспоминала, что когда-то в этой печи угорел сосед. Она не может избавиться от этого смеха, она просто перестала открывать заслонку, но смех теперь слышен даже сквозь закрытую печь.

103. Холодная плаха

У крыльца лежала плаха, обрубок дерева, на котором рубили дрова. Она была старая, и на ней остались глубокие следы от топора. Если сесть на неё, она становилась холодной, даже летом, и в ней начинал звенеть тонкий, замирающий звук, как в пустой бутылке. Хозяин сел на плаху и услышал: «Я всегда холодная, ведь на мне рубили дрова, которые грели твой дом. Но я сама никогда не греюсь. Я помню каждый удар топора и холодею от них».

Хозяин почувствовал, как холод поднимается от плахи в ноги, в спину, в голову. Он встал, но холод остался в нём. С тех пор он не может согреться: он сидит у печи, он кутается в тулуп, но внутри него - тот самый холод, который он взял с плахи. Он ушёл в лес, срубил новую плаху, но старая всё ещё лежит у крыльца, и если кто-то сядет на неё, он унесёт холод с собой, а хозяин снова сможет согреться.

104. Мерцание

В избе стоял светец. Это железный стержень, на который ставили лучину. Он был старый, ржавый, и даже без лучины он мерцал тусклым светом, когда кто-то проходил мимо. Хозяйка заметила, что светец загорается, когда в избе говорят правду, и гаснет, когда говорят ложь. Она стала проверять: муж сказал «я приду поздно» и светец погас.

Соседка сказала «у меня всё хорошо» и светец потух. А когда она сама сказала «я боюсь темноты», то светец загорелся. Однажды светец заговорил: «Я вижу, где правда, где ложь. Если я погасну совсем, это будет значить, что в доме не осталось ни одной правды».

Хозяйка стала жить в доме, где всё время горит тусклый свет, и люди перестали к ней ходить, потому что боялись, что светец выдаст их ложь. Но она знает: пока светец мерцает, она ещё может быть честной. Она не выходит из избы, и светец горит ровно, как маленькое окошко в её совесть.

105. Ключ

На гвозде висел старый ключ, ржавый, без замка. Если им постучать по столу, он издавал звук, похожий на чей-то кашель. Хозяин стучал по привычке, но однажды ключ сказал: «Я не простой ключ, я не открываю дверей, я открываю то, что ты боишься услышать: твой собственный голос, который ты не узнаёшь». Хозяин ударил ключом сильнее, и из него вылетел не звук, а его собственный голос, но сказавший то, что он никогда не говорил: «Я не хочу жить». Хозяин испугался, бросил ключ, но ключ упал в щель и звякнул оттуда снова: «Я не хочу жить». Теперь он слышит этот голос по ночам, даже когда ключ молчит. Он ищет ключ, но не может найти ведь он закатился в подпол, и хозяин слышит, как тот голос зовёт его из-под половиц, и он уже не знает, чей это голос, его или ключа.

106. Прялка

В углу стояла прялка, деревянная, с резным колесом. Если на ней пряхть, то нить выходила не из кудели, а из воздуха, и становилась тоньше с каждым витком. Пряха Акси́нья пряхла день, другой, а нить становилась всё прозрачнее, пока не исчезла совсем. Она хотела остановиться, но прялка сказала: «Ты пряхла не нить, ты пряхла свою память. Она вся ушла в колесо. Теперь ты ничего не помнишь, ни имени, ни лица, ни дома».

Акси́нья оглянулась, и правда: всё вокруг стало чужим. Она вышла на улицу, но не узнала деревню, людей, даже свою тень. Прялка молчала, но колесо продолжало вращаться само собой. С тех пор она сидит у прялки и ждёт, когда нить вернётся обратно, но она не возвращается и только колесо поскрипывает иногда: «Забыла, забыла, забыла...»

Акси́нья оглянулась, и правда: всё вокруг стало чужим. Она вышла на улицу, но не узнала деревню, людей, даже свою тень. Прялка молчала, но колесо продолжало вращаться само собой. С тех пор она сидит у прялки и ждёт, когда нить вернётся обратно, но она не возвращается и только колесо поскрипывает иногда: «Забыла, забыла, забыла...»

107. Лопата

В сарае лежала лопата, с которой копали могилу для старого деда. Её не мыли, она осталась в земле, и если взять её в руки, она вздыхала словно как человек, который не может дышать. Хозяин взял её, чтобы копать картошку, и лопата сказала: «Я лопата, но помню, как входила в землю. Я помню, как земля закрылась над тем, кто лежал. Ты копаешь картошку, а я копаю память». Хозяин копнул землю, и лопата наткнулась на что-то мягкое. Он вытащил, а там была старая тряпка, которой обёртывали лицо деда. Он отбросил лопату, но она упала и вздохнула громче: «Не бойся, это не он, это я».

Хозяин копнул землю, и лопата наткнулась на что-то мягкое. Он вытащил, а там была старая тряпка, которой обёртывали лицо деда. Он отбросил лопату, но она упала и вздохнула громче: «Не бойся, это не он, это я».

С тех пор лопата лежит у порога, и если кто-то наступает на неё, он слышит тот же вздох, как будто кто-то ждёт, когда его снова зароят.

108. Обиженная скалка

На полке лежала скалка, которой не раскатывали тесто, потому что она всегда была холодной. Хозяйка брала её, и скалка не грелась в руках, оставалась ледяной, как зимний камень. Однажды она спросила: «Почему ты такая холодная?» Скалка ответила: «Меня качала та, кто держала зло на мужа. Она качала меня и думала о том, как ударит. Я запомнила её руки, холодные от злости».

Хозяйка попробовала покатаь тесто, но тесто не раскатывалось, а оно рвалось, как ткань. Она отложила скалку, но та сама скатилась на пол и покатилась к печи, оставляя след из инея. С тех пор в избе холодно, даже когда печь натоплена, а скалка лежит на столе и ждёт, когда её возьмут в руки, чтобы передать свою обиду следующей хозяйке.

109. Дубовая ступа

В сенях стояла ступа, старая, дубовая, с истёртым пестом. Если в неё бросить горсть зерна, она не молола, а звенела словно как колокольчик, только глухой и низкий. Хозяйка бросила зерно, и ступа сказала: «Я не мелю, я собираю звуки. Каждое слово, сказанное в этой избе, оседает во мне. Хочешь - я верну их тебе?»

Хозяйка кивнула, и ступа зазвенела голосами: «Где хлеб?», «Принеси дров», «Спи, дитя». Она услышала своё детство, свой смех, слёзы. Ступа замолчала и сказала: «Ведь я храню не только слова, но и то, как они были сказаны. Ты уже не та, что раньше. Теперь твой голос звенит пусто». Хозяйка попыталась говорить, но голос не слушался. Он был глухим, как ступа без зерна. Она поняла, что отдала ступе не просто звуки, а саму себя. Она села в ступу и закрыла глаза. Теперь она сидит там и ждёт, когда кто-то бросит в неё слово, чтобы услышать его обратно.

110. Грабли у амбара

У амбара стояли грабли, с обломанными зубьями. Если ими провести по земле, они оставляли не борозды, а следы в виде цифр, количество прожитых дней, шагов, вдохов. Хозяин провёл граблями по огороду и увидел число: 24 786 - столько дней он прожил.

Грабли сказали: «Я считаю всё, что ты делаешь. Если я сломаюсь совсем, счёт остановится, и ты перестанешь стареть». Хозяин попытался сломать грабли, но они погнулись, а число на земле изменилось: 24 787, получается, он потерял один день, не заметив. Он бросил грабли в реку, но они не утонули, а они всплыли и продолжили считать. Теперь он знает ровно, сколько ему осталось: он проверяет каждый день, но числа становятся меньше, и он боится, что однажды увидит ноль.

111. Рубель

На лавке лежал рубель, это такая деревянная доска с поперечными насечками, которым гладили холсты. Если провести им по ткани, она становилась гладкой, но вместе с этим исчезали все складки не только на полотне, но и в доме: хозяйка забывали, где лежат вещи, где стоит утварь, где дверь. Хозяйка погладила рубелём скатерть и вдруг не нашла нож, вилку, крынку, ведь они стали гладкими, как сама скатерть. Рубель сказал: «Я разглаживаю всё, что имеет углы и швы. Ты хотела гладкую жизнь? Она будет. Но без углов не будет и тепла». Хозяйка попыталась вернуть вещи, но рубель скользнул по столу, и стол стал гладким, как вода. Она выбежала на улицу, и деревня стала плоской, без теней, без запахов. Она вернулась в избу, села на лавку, а рубель тихо сказал: «Теперь ты гладкая, как я. Никто тебя не узнает». С тех пор она сидит на лавке, и её лицо отражается в рубеле, как в зеркале, но без единой морщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.